

Процесс институциональной трансформации ядерной политики в контексте глобального противостояния

Дорохин Александр Сергеевич

Аспирант,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Воронежский филиал),

394005, Российская Федерация, Воронеж, Московский просп., 143;

e-mail: kafppu@vrm.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматриваются этапы институциональной трансформации процесса ядерного разоружения в контексте отношений России и США. Автор выделяет три этапа соответствующей трансформации в истории современной России. На первом этапе РФ и США продолжали развивать сохранившееся от биполярной системы наследие, создавая новые институты, обеспечивающие ядерное разоружение. На втором этапе формируется однополярная мировая система, и США выходят из процесса разоружения, что приводит к постепенному демонтажу институциональной конфигурации. На третьем этапе, в условиях новой многополярности, вновь возникают предпосылки для дальнейшего разоружения.

Для цитирования в научных исследованиях

Дорохин А.С. Процесс институциональной трансформации ядерной политики в контексте глобального противостояния // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. № 10А. С. 3-10. DOI: 10.34670/AR.2025.70.12.001

Ключевые слова

Мировой политический процесс, ядерное разоружение, институциональная трансформация, глобализация, глобальный ядерный ноль, стратегическая стабильность, национальная безопасность.

Введение

Институциональное оформление ядерной политики и ядерного разоружения претерпело значительные изменения на последние десятилетия, которые можно разделить на три основных этапа. Конец XX века характеризуется распадом сложившейся по итогам Второй мировой войны bipolarной структуры. А глобализация, оказывающая возрастающее влияние на все мировые процессы и придающая им дополнительный динамизм, вносит вклад в неопределенность итогов трансформации.

К началу периода «перестройки» структурные основы bipolarного мироустройства казались весьма прочными. Тем не менее, можно констатировать их размывание, сказавшееся на действенности сложившихся механизмов контроля над ядерными вооружениями. Прежде всего, Совет Безопасности ООН перестал быть объединением держав-победительниц и стал клубом ядерных держав. Во-вторых, выделяются новые претенденты на региональное лидерство.

Институциональное оформление ядерной политики в 1986-2001 гг.

Во внешней политике СССР «перестройка» началась с советско-американского саммита в Рейкьявике в октябре 1986 г. Советская сторона первоначально приняла предложение президента США Р. Рейгана о выводе советских ракет средней дальности из Европы при условии, что США выведут из Европы крылатые ракеты и ракеты «Першинг-2», а также предложила в течение двух лет сократить наполовину количество ракет дальнего радиуса действия. Такие уступки были призваны побудить США отказаться от разработки Стратегической оборонной инициативы (СОИ), подтвердив условия Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) 1972 года, ограничивавшего развертывание противоракетных систем двух сверхдержав. Встреча в Рейкьявике не принесла какого-либо конкретного результата, но, тем не менее, продемонстрировала гипотетическую возможность компромисса и готовность сторон к поиску неконфронтационной модели отношений.

Практическим результатом такого поиска стал подписанный в 1987 г. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) [Договор РСМД, 1987]. Согласно ему, стороны должны были уничтожить все ракеты наземного базирования с радиусом действия от 500 до 5500 км в течение трех лет, и в их число входили ракеты, расположенные как на европейской, так и на азиатской частях территории СССР, что отличалось от первоначального предложения советской стороны, планировавшей переброску части ракет за Урал. Кроме того, США и СССР объявили шагах по сокращению тактического ядерного оружия [Рогов и др., 2012].

СССР, испытывая потребность в сокращении военных расходов, корректировал свою политику в Европе и других странах. Объективная слабость Советского Союза использовалась западными странами для поддержки процессов политической демократизации и либерализации экономики в СССР, которые виделись надежной гарантией того, что военное противостояние не возобновится. Рамки для переговоров по сохранению мира в Европе были созданы договоренностями, достигнутыми в 1975 г. на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), которое в этих условиях приобретает новое значение: те договоренности, которые обе стороны прежде считали формальными гарантиями сохранения *status quo*, становятся основой глубоких политических изменений, разрушивших основы отношений

между СССР и восточноевропейскими странами и между союзным центром и республиками. При этом надежды советского руководства на сохранение контроля над динамикой внутриполитического процесса не оправдывались: либерализация режима стала одним из факторов его дестабилизации. Тем не менее, руководство СССР видело в СБСЕ, превратившемся в 1990 г. в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), постоянно действующий институт, инструмент ограничения влияния США на европейскую политику в области безопасности и контроля над вооружениями.

После завершения трансформации в странах Центральной и Восточной Европы в отношении НАТО к Организации Варшавского договора (ОВД) сохраняется определенная инерционность: страны альянса не выступали за демонтаж Организации, напротив, видели в ней договороспособного партнера. Так, в парижских переговорах по поводу заключения Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) участвовали 22 государства, представлявших НАТО и ОВД. Достигнутые 19 октября 1990 г. договоренности касались выравнивания числа вооружений между блоками: договор ограничивал пять типов обычных вооружений США и СССР, а также всех государств-членов НАТО и ОВД [Договор ДОВСЕ, 1990]. Сокращение вооружений должно было сопровождаться изменением схемы их расположения: в Центральной зоне - зоне соприкосновения блоков (Бенилюкс, Венгрия, Германия, Польша и Чехословакия) - концентрация войск значительно уменьшалась, в периферийных странах она сохранялась достаточно высокой. Процесс сокращения вооружений должен был пройти три этапа и завершиться к 1995 году.

В 1990-х и 2000-х годах в мировой политике преобладал однополярный тренд. США в этот период занимают позицию мирового лидера и стремятся к ее закреплению. В своей внешней политике они стремились легитимировать вмешательство во внутренние дела с помощью концепций «гуманитарных интервенций» и «смены режимов», применяемых в зонах стратегических интересов США. Это создавало опасную ситуацию, грозившую расшатыванием системы ядерного сдерживания. Проблемы контроля над вооружениями получили первостепенную важность в процессе конструирования постбиполярной архитектуры мировой политики.

Изменение подхода к разоружению: возрастание конфликтности

Второй этап изменений (2001-2024) был инициирован выходом США из Договора по ПРО в 2001 году, что оживило дискуссию о новых контурах политики ядерного сдерживания, так как распространение ядерного оружия в конфликтных регионах и начало работы над созданием принципиально новой системы ПРО в США, безусловно, повышало вероятность конфликта.

Сохранение противоречий в подходах к развитию стратегических вооружений стало лейтмотивом российско-американских отношений. В РФ на экспертном уровне обсуждалась возможность выхода РФ из таких договоров как РСМД, Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой и Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-І). Вопрос о ратификации Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ) рассматривался как своеобразная проверка готовности США к сотрудничеству в области разоружения в политических реалиях после «холодной войны», когда российско-американские отношения осложнились целым рядом противоречий. Американский отказ от ратификации ДВЗЯИ и выход из договора по ПРО были восприняты как важные сигналы, свидетельствующие о неготовности

к полноценному партнерству, за которыми неизбежно должно было последовать охлаждение отношений [Fenenko, 2014].

РФ была крайне обеспокоена новыми контурами глобализированного мира, который уже нельзя было охарактеризовать как многополярный. В российском политическом дискурсе этого периода термин «многополярность» применялся скорее для обозначения желательных контуров мировой системы [Богатуров, 2003], в реальности же РФ приходилось противостоять стремлению США сузить выработанную во второй половине 1990-х годов практику аккумулирования поддержки своих внешнеполитических инициатив широким кругом союзников по НАТО или «Большой восьмерки».

Несмотря на то, что компромисса по ПРО достичь так и не удалось, был начат процесс подготовки нового договора о контроле над вооружениями. Начало этому было положено на встрече Дж. Буша и В. В. Путина в американском Кроуфорде в ноябре 2001 г., где американским президентом была предложена новая, весьма ограниченная формула компромисса, предполагавшая подписание декларативных документов, не содержащих жестких обязательств. Первым опытом договоренности на этой основе стал Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (известный как Московский договор). В тексте не содержалось однозначной трактовки терминов, например, американская сторона трактовала условия Договора как необходимость сокращения развернутых стратегических ядерных боезарядов, что в принципе позволяло оснащать стратегические носители неядерными зарядами, тогда как ядерные могли оставаться в хранилищах [Антонов, 2012].

Учреждение Совета Россия – НАТО произошло накануне второго расширения НАТО. Несмотря на российско-американское сближение 2001-2002 годов и учреждение в 2002 г. Совета Россия-НАТО, расширение Альянса и отказ от преобразования его в политическую структуру, а также развитие американской ПРО обострили конфликтность между двумя странами. Стремление США к реализации широко понимаемых национальных интересов даже в отсутствии консенсуса повлияло на характер дискуссии по проблемам разоружения.

Военная доктрина, принятая 5 февраля 2010 года, в соответствии с принципами, указанными в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. (которая также разрабатывалась более пяти лет) предусматривала, что РФ оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против неё или её союзников ядерного или других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычных вооружений, если под угрозу будет поставлено само существование государства [Стратегия национальной безопасности РФ, 2009]. Эти меры укладывались в русло американской концепции упреждающих ударов. Также действия США, связанные с модернизацией вооружений в контексте новых стратегических задач, побудили РФ к модернизации Стратегических ядерных сил (СЯС), например, к возобновлению производства бомбардировщиков Ту-160 и началу модернизации бомбардировщиков Ту-95, модернизация коснулась и атомного подводного флота, также были возобновлены регулярные полеты стратегической авиации.

Военные возможности Соединенных Штатов в постбиполярную эпоху (с 1991 по 2008 гг.) оставались вне конкуренции. Если СССР достигал сопоставимости военных потенциалов, то постсоветская Россия, сохранив значительный военный потенциал ядерной державы, все же существенно проигрывала США по качественным параметрам, связанным с управляемостью и развитием военного комплекса. Поэтому ситуацию в военной сфере в лучшем случае можно было охарактеризовать как остаточную биполярность. Ядерный статус и геополитическое

положение Российской Федерации (это справедливо и в отношении КНР в указанный период) также не позволяли сами по себе говорить о сопоставимости ее потенциала с потенциалом США.

Концепция плюралистической однополярности основывается на признании того, что именно однополярность являлась наиболее значимым трендом в трансформации мирового политического процесса в период с 1991 по 2008 годы. При этом США, несмотря на явственное превосходство, все же не обладали достаточным для обеспечения гегемонии экономическим и военно-стратегическим потенциалом, поэтому в реализации своей политической линии им необходимо было опираться на поддержку круга союзников. Стремление США реализовывать свои устремления в мировой политике при этом могло наталкиваться на нежелание некоторых партнеров двигаться в задаваемом исходящими от США импульсами фарватере. Для РФ подобная модель являлась скорее неблагоприятной, так как задача позиционирования в новой системе была непростой.

Россия изначально заявляла о приверженности спорной политике «глобального ядерного ноля». [Понамарева, 2020]. Прежде всего, спорен вопрос, к чему именно относится понятие «ноль». В американском варианте концепции утверждается о рассмотрении в таком контексте так называемой «стратегической триады» (МКБР – атомные подводные лодки (АПЛ) – стратегические бомбардировщики), в то время как ядерные заряды меньшего объема несет большое количество «нестратегических вооружений», в частности (как и в России) артиллерия. Но если российская артиллерия для США совершенно географически невалидна, то большое количество военных баз в результате расширения НАТО на восток имеет именно такие резервы. Кроме того, дебатировался вопрос о том, идет ли речь об учете в «ядерном ноле» всей совокупности ядерных зарядов, или же только о стоящих на боевом дежурстве.

С.В. Караганов, высказываясь по поводу американского проекта «глобального ядерного ноля», отмечал желание США «закрепить свое подавляющее военное превосходство в сфере высокоточного обычного оружия и обесценить ядерные потенциалы других ядерных стран через радикальное ядерное разоружение и строительство глобальной американской системы ПРО» [Караганов, 2010]. Зондирующее предложение президента Б.Обамы сократить запасы ядерного оружия как США, так и РФ на 1/3 относительно уровней СНВ-III, выдвинутое в 2013 году, было восприняты исключительно сдержанно. В.В.Путин по этому поводу заявил: «Мы не можем допустить подрыва баланса стратегического ядерного сдерживания за счет уменьшения эффективности наших ядерных сил» [Фененко, 2013].

Поддержание стратегического баланса сил – наиболее актуальная цель российской внешней политики. По словам Н.Косолапова, «вероятность войны между Соединенными Штатами и Россией сегодня достаточно высока, не только технически, но также политически и психологически» [Косолапов, 2008]. По его мнению, Россия пришла к пониманию того, что основной задачей США является не поддержка свободы и демократии, но «ликвидация ядерного и ракетного потенциала, оставшегося после Советского Союза, равно как и способности России к его восстановлению» [Косолапов, 2008].

Таким образом, Россия во многом связывала доступный ей горизонт возможностей с готовностью и актуальностью ядерного арсенала государства. Воспринимая противников через призму восточноевропейских противоречий, Россия пыталась поддерживать ранее оправдавшую себя, даже несмотря на коллапс 1991 года, идею сохранения глобального равновесия, основанного на доктрине «взаимного гарантированного уничтожения» («mutual assured destruction» в американском преломлении того же самого рабочего понятия).

Новая ядерная доктрина РФ как фактор институциональной трансформации процесса глобального противостояния

Новые контуры баланса сил определены в новой редакции ядерной доктрины Российской Федерации, принятой 19 ноября 2024 года, что можно характеризовать как начало третьего этапа изменений. Согласно доктрине, ядерный ответ становится возможным не только при прямой ядерной угрозе, но и при критической угрозе суверенитету России с использованием обычных вооружений. Агрессия со стороны неядерного государства при поддержке ядерной державы будет рассматриваться как их совместное нападение [Основы госполитики в области ядерного сдерживания, 2024]. Аналогично, агрессивные действия любой страны-участницы военного блока будут трактоваться как агрессия всего альянса.

Доктрина определяет десять ключевых угроз безопасности, требующих адекватного реагирования. Среди них: наличие у потенциальных противников оружия массового поражения, развертывание систем ПРО и высокоточного вооружения вблизи российских границ, милитаризация космического пространства и расширение военных блоков [Основы госполитики в области ядерного сдерживания, 2024]. Новым положением стало включение в перечень угроз массированного применения средств воздушного нападения, включая крылатые ракеты, беспилотники и другие летательные аппараты.

В документе отражено, что решение о применении ядерного оружия находится исключительно в компетенции президента РФ [Основы госполитики в области ядерного сдерживания, 2024]. При этом российская ядерная доктрина сохраняет оборонительный характер. В пунктах документа отмечается, что государство последовательно проводит политику, направленную на деэскалацию международной напряженности и предотвращение военных конфликтов, в том числе ядерных.

После победы Д. Трампа на выборах в США в 2024 году перспективы ядерной деэскалации остаются под большим вопросом. Д. Трамп заявлял о возможности начать переговоры с РФ и КНР по поводу ликвидации ядерных вооружений. Если такой процесс будет запущен, это приведет к возникновению новой конфигурации мирового политического процесса. [Торин, 2025]. Однако возможно, что при второй администрации Трампа завершится процесс разрыва российско-американского контроля над вооружениями, что откроет новый этап эскалации ядерной политики.

Библиография

1. Антонов А.И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр, 2012.
2. Богатуров А.М. Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1 (1). Январь–апрель. URL: <http://www.intertrends.ru/one/001.htm> .
3. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. 1987. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/rsmd.htm> .
4. Договор об обычных вооруженных силах в Европе. 1990. URL: <http://www.osce.org/tu/library/14091?download=true> .
5. Караганов С. «Глобальный ноль» и здравый смысл // Россия в глобальной политике. 2010. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Globalnyi-nol-i-zdravyi-smysl-14881> .
6. Косолапов Н. Пороговый уровень вероятности конфликта США с Россией // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3 (18). С. 15–25.

7. Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания: Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 г. № 991. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312> .
8. Понамарева А.М. Концепция «ядерного нуля» как «зомби-категория» мировой политики // АПЕ. 2020. № 3. С. 51–81.
9. Рогов С., Золотарев П., Есин В., Кузнецова В. Стратегическая стабильность и ядерное разоружение в XXI веке // Независимое военное обозрение. 2012. 16 ноября. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2012-11-16/1_stabilnost.html .
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685/ (дата обращения: 11.04.2025).
11. Торин А. Дональд Трамп: первые итоги президентства – анализ и прогноз основных тенденций // Международная жизнь. 2025. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/53273> .
12. Фененко А.В. Повестка для «Перезагрузки-2» // Российский Совет по Международным Делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2244 .
13. Fenenko, A. The Russian Position on the CTBT // Banning the Bang or the Bomb?: Negotiating the Nuclear Test Ban Regime / William Zartman, Mordechai Melamud, Paul Meerts, eds. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

The Process of Institutional Transformation of Nuclear Policy in the Context of Global Confrontation

Aleksandr S. Dorokhin

Postgraduate Student,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Voronezh branch),
394005, 143, Moskovsky ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: kafppu@vrn.ranepa.ru

Abstract

The article examines the stages of institutional transformation of the nuclear disarmament process in the context of relations between Russia and the USA. The author identifies three stages of this transformation in the history of modern Russia. In the first stage, Russia and the USA continued to develop the legacy preserved from the bipolar system, creating new institutions to ensure nuclear disarmament. In the second stage, a unipolar world system forms, and the USA withdraws from the disarmament process, leading to the gradual dismantling of the institutional configuration. In the third stage, under conditions of new multipolarity, prerequisites for further disarmament emerge again.

For citation

Dorokhin A.S. (2025) Protsess institutsional'noy transformatsii yadernoy politiki v kontekste global'nogo protivostoyaniya [The Process of Institutional Transformation of Nuclear Policy in the Context of Global Confrontation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 14 (10A), pp. 3-10. DOI: 10.34670/AR.2025.70.12.001

Keywords

World political process, nuclear disarmament, institutional transformation, globalization, global zero, strategic stability, national security.

References

1. Antonov, A. I. (2012). *Kontrol' nad vooruzhenniiami: istoriia, sostoianie, perspektivy* [Arms control: History, state, prospects]. ROSSPEN; PIR-Tsentr.
2. Bogaturov, A. M. (2003). Sovremennyi mezhdunarodnyi poriadok [The modern international order]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 1(1). <http://www.intertrends.ru/one/001.htm>
3. Fenenko, A. (2014). The Russian position on the CTBT. In W. Zartman, M. Melamud, & P. Meerts (Eds.), *Banning the bang or the bomb?: Negotiating the nuclear test ban regime* (pp. 204–221). Cambridge University Press.
4. Karaganov, S. (2010). Global'nyi nol' i zdravyi smysl [Global zero and common sense]. *Rossiia v global'noi politike*, 3 <http://www.globalaffairs.ru/number/Globalnyi-nol-i-zdravyi-smysl-14881>
5. Kosolapov, N. (2008). Porogovyi uroven' veroiatnosti konflikta SShA s Rossiei [The threshold level of probability of a US-Russia conflict]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 6(3(18)), 15–25.
6. Ponamareva, A. M. (2020). Kontseptsiiia «iadernogo nulia» kak «zombi-kategoriiia» mirovoi politiki [The concept of "nuclear zero" as a "zombie category" of world politics]. *APE*, 3, 51–81.
7. Rogov, S., Zolotarev, P., Esin, V., & Kuznetsova, V. (2012, November 16). Strategicheskaiia stabil'nost' i iadernoe razoruzhenie v XXI veke [Strategic stability and nuclear disarmament in the XXI century]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. http://nvo.ng.ru/gpolit/2012-11-16/1_stabilnost.html
8. The Treaty between the Union of Soviet Socialist Republics and the United States of America on the Elimination of Their Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles. (1987). <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/rsmd.htm>
9. The Treaty on Conventional Armed Forces in Europe. (1990). <http://www.osce.org/ru/library/14091?download=true>
10. The Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Nuclear Deterrence: Decree of the President of the Russian Federation No. 991 of November 19, 2024. (2024). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312>
11. The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020: Decree of the President of the Russian Federation No. 537 of May 12, 2009 (as amended on July 1, 2014). (2009). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685/
12. Torin, A. (2025) Donald Tramp: pervyye itogi prezidentstva – analiz i prognoz osnovnykh tendentsiy [Donald Trump: the first results of the presidency – analysis and forecast of main trends]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*. <https://interaffairs.ru/news/show/53273>
13. Fenenko, A. V. (n.d.). Povestka dlia «Perezagruzki-2» [Agenda for "Reset-2"]. *Rossiiskii Sovet po Mezhdunarodnym Delam*. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2244